18+

Людмила Лапина

Призраки старого кладбища

Мистико-романтическая повесть

Людмила Лапина

Призраки старого кладбища. Мистико-романтическая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48478682
ISBN 9785005065278

Аннотация

Романтическая повесть о любви и мистической угрозе. Не ходите мимо старого деревенского кладбища! Вековое зло ненасытно и поджидает жертву. Оксана и Артем убедились в этом.

Содержание

ПРИЗРАКИ СТАРОГО КЛАДБИЩА 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 6
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Призраки старого кладбища
Мистико-романтическая повесть

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2019

ISBN 978-5-0050-6527-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРИЗРАКИ СТАРОГО КЛАДБИЩА

мистико-романтическая повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЛЕТНИЕ КАНИКУЛЫ

Мне посчастливилось родиться в средней полосе России, в деревне калужской области. Наша деревня стоит на холмах, а дом моего детства расположен у старого кладбища, обсаженного липами и березами. Извилистая речка весело журчит, обегая наши холмы, изумрудно-зеленые с наступлением весны. В июле в их зелени проступают алые пятна земляники, а небо становится синим-синим, как перо сказочной птицы удачи. Такова моя малая родина. Такое же синее небо бывает и над Санкт-Петербургом, куда родители увезли меня еще в младенчестве. Каждый раз, когда возвращаюсь в Питер из нашей деревни, меня поражает контраст между плоской равниной, приневской низменностью, где стоит северная столица России, и всхолмленной местностью вокруг Калуги.

Я окончила школу в городе на Неве и поступила в библиотечный техникум, чем гордились все мои родные. Мечтаю стать библиографом и после техникума хочу учиться в институте культуры. А пока летние каникулы я провожу в нашей деревне, в старом дедушкином доме с большой русской печью. Запах горячего хлеба, парное молоко… Я люблю приезжать в деревню.

В прошлом году, после первого курса техникума, меня по-

слали на практику в нашу деревенскую библиотеку. Я читаю всю жизнь, только в детстве – приключения и фантастику (в шесть лет мечтала сбежать в Техас, где скакал всадник без головы). Даже подобранного несколько лет назад замурзанного черно-белого котенка я назвала Морисом Джеральдом. Сейчас он превратился в крупного пушистого кота, а зовем мы его Мурзиком вместо Мориса. Став старше, я узнала из «Других берегов», что в тех же местах в Техасе под Далласом ловил бабочек Набоков. Сейчас мне больше нравятся любовные романы. Да, как девушки всех времен и народов, я грежу о большой чистой любви на всю жизнь.

В последнюю неделю перед расставанием на лето я гуляла с однокурсницами по центру Санкт-Петербурга. Мы прошли обновленный Летний сад. Сейчас, с фонтанами и белыми статуями, он выглядит как прототип Петергофа. Полюбовавшись на Эльфдаленскую вазу из красного гранита и лебедей в пруду Летнего сада, мы по Шпалерной улице двинулись к излучине Невы, где стоит Смольный собор. Мы осмотрели шемякинских сфинксов на Воскресенской набережной, памятник Анне Ахматовой, выпили кофе в посвященном этому напитку музее, а у Музея воды зашли посмотреть необычный фонтан, с шумом водопада обрушивающийся в красный гранитный бассейн. Мы с подружками решили сфотографироваться вместе у фонтана, но палки для селфи ни у кого из нас не оказалось. Я подняла на лоб черные очки, окликнула высокого юношу в военной форме и попросила помочь

нам. Он охотно согласился, сделал несколько снимков моим фотоаппаратом, мы с девочками рассмотрели и одобрили их. Но он не спешил уходить и неожиданно представился:

– Артем, будущий инженер, учусь в том желтом здании с белыми колоннами.

– В этом? – смеясь, указала я на Таврический дворец.

– Нет, вон в том, оканчиваю второй курс, – рука юноши, нет, уже молодого человека, протянулась в направлении большого здания за Таврическим дворцом.

– Оксана, – представилась я. Подруги со смехом потащили меня гулять дальше. Я только успела сказать Артему номер моего мобильника. На улице я опустила на глаза черные очки, как сто лет назад дамы опускали вуаль, и подруги не смогли меня развеселить.

За день до отъезда в Калужскую область я поехала на Васильевский остров на Смоленское кладбище к часовне Ксении Блаженной, просила мою святую дать нам легкую дорогу в деревню. Обойдя светло-зеленую часовню три раза, я взмолилась, чтобы Артем запомнил мой телефон и позвонил мне. Этот парень в военной форме, широкоплечий, высокий, синеглазый, очень понравился мне. Потом я пошла к метро по старинному кладбищу. Сейчас, в начале лета, оно выглядит как зелёный тенистый парк с аккуратными дорожками. Какой контраст с нашим деревенским, заросшим травой, иногда выше человеческого роста. Я не боюсь деревенского кладбища. Когда навещаю могилы родных или просто

гуляю по нему, теплое чувство любви и покоя охватывает меня. Конечно, Смоленское кладбище в Санкт-Петербурге больше деревенского, и памятники на нем богаче – мрамор, бронза, гранит. У нас же – цветущие липы и птичий щебет.

Доехали мы в нашу деревню быстро, дорога и на поезде, и на автобусе была легка и приятна. А в деревне началась моя библиотечная практика. В техникуме учат хорошо, мне нравиться рассказывать читателям о моих любимых книгах. Заведующая библиотекой дала мне блестящую характеристику.

После практики я осталась в деревне. Мои бабушка и дедушка приближаются к семидесяти годам, но еще крепкие, жилистые, слаженно ведут хозяйство. С ними живет и мой прадедушка, бабушкин папа. Мы с бабушкой зовем его «деда». Ему уже за девяносто, но он, совершенно седой, коренаст, крепок, с яркими голубыми глазами и похожими на корни дуба руками. Еще до моего рождения он начал работать кладбищенским сторожем, ведь дом наш стоит недалеко от кладбища.

Первую неделю после окончания практики я помогала бабушке по дому и читала Пруста «В поисках утраченного времени», а потом – любимый «Потоп» Сенкевича, но даже увлекательные книги не могли отвлечь меня от тоски по Артему. Когда я это осознала, испугалась – мы виделись один раз в жизни, а он сумел произвести на меня неизгладимое впечатление. Высокий, красивый, голубые глаза, по-

хож на Анджея Кмицица… Он мерещился мне везде. Когда я шла по улице, часто видела его широкоплечий стройный силуэт, мелькающий вдалеке. Каждый день я напрасно ждала звонка от него. Наверное, он давно забыл меня, почему же я так страдаю? Дома я старалась казаться прежней – веселой, щебечущей, но бабушка уже задала вопрос, что со мной происходит. Отшутиться я не смогла. Бабушка, дедушка и деда шептались на кухне и замолкали, когда я приближалась к ним. Однажды поздно вечером я засиделась за столом над письмом домой, в Питер, маме. Она любит получать от меня письма в конвертах, отосланные по почте. Я весело описывала нашу деревенскую жизнь, делилась планами на будущее. Будущее? Какое у меня может быть будущее без Артема? Мне стало так тоскливо, что я уронила голову на скрещенные руки и тихо заплакала, боясь разбудить спящих родных. Справившись с собой, я подняла голову. Наш обеденный стол, за которым я сидела, покрытый красивой клеенкой, придвинут к окну. Сейчас нижняя половина окна задернута веселенькими занавесочками с Медным всадником, любимым монументом моей мамы. Она с малолетства водила меня гулять к нему. Я утерла слезы и собиралась ложиться спать – была глубокая ночь. Я потянулась выключить настольную лампу и замерла – поверх занавесок на меня уставилось бледное лицо… Артема? Над ним, под верхним краем оконной рамы, мерцала крупная синяя звезда. А он смотрел на меня тоскливо, жадно, нос его расплющился об окон-

ное стекло. Я закрыла рот обеими руками, чтобы радостным визгом не разбудить родных. «Приехал! Приехал!» – одна мысль билась в моей голове, пока я всматривалась в дорогое лицо до рези в глазах. Выступили слезы, я зажмурилась, а когда открыла глаза, лицо Артема исчезло. Я вскочила со стула и метнулась к двери. Конечно, он видел, что я не сплю и пошел к двери, ждет, когда я открою ему дверь. Дрожащими руками я откинула железный крюк, пробежала в сени, отодвинула засов и распахнула дверь. Тишина, звездная ночь, по земле стелется белесый туман. Резкий холод пробрал меня до костей – на крыльце никого нет. Где же Артем? Я сбежала с крыльца, давя в горле призыв. Он что? Только посмотрел на меня и ушел? Конечно, я его разочаровала – бледная, заплаканная, растрепанная, некрасивая. Я поскользнулась на последней ступеньке, тапки слетели, и к калитке я подбежала босиком. С трудом повернула щеколду – она разбухла от ночной сырости – и выскочила со двора. И на дорожке к нашему дому никого. Поскуливая от боли в сердце, я сделала несколько шагов. В темноте следы на дорожке не видны, а кладбищенские деревья в нескольких шагах от меня кажутся слитной черной массой, выделяясь на сияющем звездами небе. Запыхавшись, я остановилась, как будто налетела на невидимую стену, и обхватила себя руками. Артема нет. Где его искать? Но он же сейчас заглядывал ко мне в окно? Или это был не он? Кто тогда? Налетевший порыв ветра зашелестел кронами кладбищенских деревьев, и я от-

четливо услышала шепот: «Оксана, Оксана…» Вкрадчивый, настойчивый, он звал меня, но я зажала уши, развернулась и бросилась к дому, изо всех сил захлопнула калитку, повернула щеколду и взлетела на крыльцо. Про тапки я, конечно, забыла. Я задвинула засов, накинула железный крюк и только тогда перевела дух. Ощущение холода не проходило. Я умылась и коснулась своего нательного серебряного крестика. Он источал ровное тепло. Мне тут же захотелось спать. Я с закрытыми глазами добрела до своей постели, упала на нее и больше ничего не помню.

Разбудила меня бабушка веселой песенкой и ароматом заваренного кофе. Открываю глаза, вижу в окне чистое голубое небо, и ночные наваждения кажутся далекими, нестрашными, как давний полузабытый сон. Я быстро умылась и босиком прошлепала к накрытому столу – тапки куда-то делись.

Позднее, в субботу, я, как обычно, убирала в доме, вымыла полы, а мои родные в это время сидели в беседке во дворе, наслаждаясь теплым июльским днем: солнце сияет с ясного неба, легкий ветерок уносит лишнюю жару. Дед и прадед играют в шахматы, подолгу раздумывая над каждым ходом, бабушка вяжет очередную салфетку. Я подала им вишневый компот и печенье и только взяла в руки томик Пруста, надеясь почитать в тенечке рядом с котом, как меня окликнула бабушка. Я оставила книгу и кота в шезлонге и побежала на зов.

– Доча, у нас хлеб не закончился?

– Пол буханки черного еще есть, – ответила я.

– Сходи, солнышко, купи назавтра, на гренки два батона, хлеб, ну и что захочешь ещё, – сказала бабушка. Уже много лет гренки и кофе – традиционный воскресный завтрак нашей семьи.

– Купи сушек, – подсказал дед.

– И мне – ржаных сухариков, – добавил прадед.

– Сейчас сбегаю, – согласилась я, вернулась в дом и переоделась. Взяв сумки и бабушкин кошелек, я вернулась в беседку. Бабушка отсчитала мне деньги, я взяла и тыльной стороной ладони задела стеклянный кувшин с компотом. Я едва успела отскочить, стеклянные осколки полетели в разные стороны, по чистому деревянному полу расползлась лужа… крови? Так мне внезапно увиделось. И хоть я себя уговаривала, что это просто компот, холодная дрожь прошла по моей спине. Я положила сумку на скамейку, сказала:

– Сейчас уберу, – и побежала в дом. Но голос бабушки остановил меня:

– Оксана, иди в магазин, я сама уберу, а ты ещё порежешься.

Бабушка все ещё считает меня маленькой глупенькой девочкой. Я не посмела ей перечить, взяла сумку и пошла в магазин дальней дорогой, огибая кладбище. После недавнего ночного приключения мне не хотелось там ходить. Сейчас я испытывала дрожь при мысли, что мне придется пройти

меж белоствольных берез тихой тропинкой, выходящей к нашей калитке. А раньше я кладбища не боялась. Ругая себя за нелепые страхи – кто и что мне сделает днем? – я подошла к магазину.

Закупив всё, что заказали мои родные, я вышла из магазина и села на лавочку в маленьком сквере у автобусной остановки. Пришел автобус их Калуги. Я махала знакомым и ела мороженое, вафельную трубочку, а в Питере предпочитаю брикеты. Подошли мои подружки, Аня с Тоней.

– Привет, Ксанка!

– Привет, – отозвалась я.

– Пойдешь сегодня на танцы?

Сегодня суббота, в клубе будут танцы. Но меня никогда не отпускали танцевать, ни здесь, в деревне, ни в городе на дискотеки.

– Не пойду, вы же знаете, мне бабушка не разрешает, – отвечала я, слизывая мороженое.

– А что же ты будешь делать дома вечером?

– Читать, – сказала я. Читаю я запоем, мне никогда не надоедает, даже телевизор почти не смотрю. Надо прочитать всё, что нам задали в техникуме на лето.

– Ну и зануда же ты, Ксанка, – сказала Тоня.

– Зубрилка, – добавила Аня.

– А вы пойдете? – спросила я.

– Да, сейчас переоденемся и пойдем.

Глаза моих подруг горят, щеки розовеют от волнения

и предвкушения скорого счастья – они будут танцевать со своими кавалерами, но ни один из них не сравнится с Артемом.

– Ну, пока, заходите в гости, – сказала я. Девушки попрощались и убежали, держась за руки и что-то бурно обсуждая на ходу, наверное, какое платье лучше надеть. Я проводила их взглядом, вздохнула – мое счастье еще так неопределенно, доела мороженое и вдруг поняла, что уже настал вечер, бабушка ждет меня с продуктами к ужину, да и тает мороженое, которое я купила на завтра-послезавтра, у нас в семье его очень любят. Я вскочила с лавочки и быстрым шагом направилась к дому. За моей спиной занимался золотисто-оранжевый закат. Впереди лежало темное безмолвное кладбище. Я сжала зубы и вошла в распахнутые ворота. «Деда еще их не закрыл», – машинально отметила я, перекладывая сумку из одной руки в другую. Смеркалось. Под развесистыми березами стало почти темно. Ветерок шелестел их листьями, иногда шевелил траву по обе стороны тропинки. Создавалось впечатление, что эхо отзывается на мои торопливые шаги. Но этого не может быть, я же иду не в горах или в руинах какого-нибудь старинного замка или аббатства. В голову настойчиво лезли эпизоды из прочитанных страшилок старой недоброй Англии – собака Баскервиллей преследует сэра Генри в ночном тумане, зомби преследуют сестер Беннет. Меня туман пока не окружил, но страшно стало так, что я не могла заставить себя оглянуться – а вдруг уви-

жу нечто, преследующее меня. Что за иррациональные страхи в двадцать первом веке? Но ощущение чужого холодного взгляда, сверлящего мою спину, было так сильно, что я едва сдерживала желание пуститься бегом. Шаги за спиной приблизились, раздался тихий скулящий стон, перешедший в чмоканье. Я подпрыгнула и побежала. Пересохшее горло не могло издать даже хрип, ноги подгибались, но я уже видела нашу калитку. Я скорее добегу домой, чем позову на помощь – пришла утешительная мысль. И до полночи еще далеко. С крыльца нашего дома спустилась женщина, повязанная белым платком, в длинной юбке, широкой кофте, и пошла в мою сторону. Она вошла на кладбище, и я, запыхавшаяся, растрепанная, вежливо отступила с тропинки и остановилась, пропуская её. Мне стало стыдно моего волнения. Я позорю своих родных. Что подумает обо мне наша односельчанка? В темноте я не могла разглядеть её лицо. «Надо будет у бабушки спросить, кто к нам приходил», – подумала я и пожелала ей доброго вечера. Немолодая женщина молча, тихо проскользнула мимо, оставив за собой слабый запах церковного воска и ладана. Я бодро шагнула на тропинку и пошла домой. Я не оглядывалась и нисколечко не боялась, ощущение чужого взгляда исчезло, чужие шаги я больше не слышала. Мурзик встретил меня посреди двора и начал тереться о мои ноги, щекоча хвостом. Большой, теплый, мохнатый, родной. Я погладила его, позвала с собой и со смехом взбежала на крыльцо – его жесткая шерсть щекотала мои ноги.

Только что пережитые на кладбище страхи показались нелепыми, спрятались в дальние уголки сознания.

– Бабушка, я дома, – радостно сказала я, распахивая дверь в комнату.

– Где же ты была, гулёна? – притворно сердито спросила бабушка.

– В магазине. С подружками поговорила, через кладбище шла, – ответила я, перекладывая продукты в холодильник. Мороженое почти не пострадало. Мурзик умильно заглядывал в морозилку, ожидая своей порции, он любит мороженое так же, как и я. Конечно, я сейчас же дала ему орхидейного пломбира – простого, ванильного. Шоколадного котам нельзя.

– Садись уже за стол, – позвала бабушка. Я вымыла руки и опустилась на своё место. Дед произнес молитву, и мы начали ужинать. Принимая у бабушки тарелку с овощным рагу, я спросила:

– Ба, а кто к тебе сейчас заходил?

– Как ты ушла, забежала Саввишна, посидела и ушла еще засветло, – ответила бабушка.

– Нет, ба, вот сейчас!

– Сейчас у нас никого не было, – сказала бабушка. Дед и прадед молчаливыми кивками подтвердили её слова.

– Но как же так, – растерянно сказала я и положила вилку. – Я шла домой через кладбище и своими глазами видела, как с нашего крыльца спустилась немолодая женщина в бе-

лом платочке и пошла мне навстречу.

– Никого у нас не было! – сказал дед.

– Она прошла рядом с тобой? – спросил прадед. – Ты не узнала её?

– Я её не узнала, – произнесла я. Дед нахмурился, прадед хмыкнул.

– Ешь давай, – прикрикнула бабушка. – А то отцу скоро на дежурство.

Я машинально доела рагу, не чувствуя вкуса. Бабушка разлила чай из электрического самовара, а к чаю подала сушки, сухарики, шоколадные конфеты, принесенные мной. Прадед, не торопясь, осушил большую кружку чая, запивая любимые ржаные сухарики, встал из-за стола и сказал:

– Не ходила бы ты, доча, пока через кладбище.

– Почему?

Он молча погладил меня по голове, взял клюку, подхватил холщовую сумку с газетами, ржаными сухариками и вышел. Хлопнула входная дверь, чуть позже звякнула калитка. Дед вышел запереть её на ночь.

– Бабушка, почему мне нельзя сейчас ходить через кладбище? – недоуменно спросила я.

– Слушайся прадеда, он плохого не посоветует, – отвечала она, собирая посуду со стола.

Прошло несколько дней, я провела их дома. Помогала бабушке, читала книги. Артем снился мне только ночью, днем

я его не видела. Но вот я дочитала эпопею Пруста «В поисках утраченного времени». Послонявшись полдня по дому и затискав кота, я решилась.

– Ба, я схожу сейчас в библиотеку?

– Ну, сходи, купи подсолнечного масла и гречи.

– Ба, я ж еще и книги потащу.

– Ладно, но вот это купи и не задерживайся в своей библиотеке.

– Конечно, ба!

Я переоделась в летнее белое платье в черный горошек, помахала деду и прадеду, сидящим в беседке, и пошла в библиотеку, огибая кладбище. Июль в том году был жаркий, солнце припекало даже сквозь соломенную шляпу. А в библиотеке уютно, прохладно. Я поговорила с заведующей и пошла выбирать книги. Горестно охнув, я навела порядок на стеллажах – читатели презирают алфавит, ставят книги не на то место, где они стояли – вот вся прелесть свободного доступа к книжным сокровищам. Когда я работала здесь на практике, у меня на стеллажах был полный порядок. Наконец, я дорвалась до своих сокровищ, время остановилось. Я перебирала книги, любовалась их строгими переплетами или яркими картинками на обложках, читала аннотации или по нескольку страниц текстов.

– Ксан, ты скоро? – вывел меня из читательского транса голос заведующей. – Я закрываю, давай заполним твой формуляр.

Взяв стопку книг, с сожалением оглядываясь на оставленные, я пошла к столу заведующей. Перед глазами у меня проносились образы из оставленных книг, я намечала, что возьму в следующий раз.

Мы с заведующей закрыли библиотеку и распрощались. Я побежала в магазин, купила то, что просила бабушка, и поспешила домой. Вечер настал тихий и теплый, моё белое платье ярким пятном выделялось в сгущающихся сумерках. Я шла, любуясь первыми звездочками над нашим домом и кладбищем. С некоторой робостью я вошла в ворота кладбища – деда закроет их, когда выйдет на дежурство. Я быстро шла по тропинке к нашему дому, думая об Артеме. Наверное, он уже позабыл меня и мой мобильник – так размышляла я. Опять накатило дикое желание убежать, как несколько дней назад. С запоздалым раскаянием я вспомнила слова прадеда не ходить некоторое время через кладбище. В кустах раздался знакомый шорох – то по одну сторону тропинки, то по другую. Руки мои похолодели, я ускорила шаг, по спине пронеслись ледяные мурашки. Казалось, тропинка ведет в другую сторону. Книги и продукты оттягивали руки. Вдруг передо мной на тропинке возник черный приземистый силуэт. Я резко остановилась, чувствуя, что теряю сознание от ужаса, закрыла глаза, раскрыла рот и завизжала, прижимая к себе сумки, но от боли в правой ноге подскочила и посмотрела вниз. Мурзик разжал пасть и посмотрел на меня снизу вверх. Он не выносит моих слёз, а теперь, значит,

и визга.

– Мурзик… – простонала я. Кот недвусмысленно подтолкнул меня к дому лобастой головой.

– Да, Мурзик, иду, – послушно сказала я и пошла дальше. Он шел сзади, тыкаясь холодным носом в мои ноги – так он успешно меня подгонял. В темноте я почти не различала тропинку, споткнулась и упала на живот. Из сумок вывалились книги и продукты. Я ударилась о землю, платье, конечно, испачкалось, шляпа слетела. Всхлипывая от обиды, я приподнялась на руках, и в этот момент чья-то ледяная ладонь погладила моё колено. Я в один миг оказалась на ногах, а кот с утробным воем прыгнул в кусты. Я уже не думала о книгах и продуктах, а неслась к дому. За моей спиной раздавались треск кустов, фырканье, завывания, не похожие на кошачьи. На моем пути возник черный силуэт, но в этот раз он был большим, квадратным, кряжистым…

– Деда! – завопила я, бросаясь к родному человеку. Конечно, я еще раз споткнулась, но он успел меня подхватить и прижал к себе, гладя по голове корявой ладонью.

– Доча, говорил тебе, не ходи ты по кладбищу!

– Ой, деда, а я шляпу потеряла, сумки, а там книги и продукты.

– Ну, пойдем, посмотрим.

– А как ты тут оказался?

– Да на дежурство шел, – ответил он. Тут только я заметила клюку и холщовый пакет, который он обычно берет на ра-

боту. Мы прошли назад по тропинке и увидели Мурзика. Он, чернее темноты, сидел среди моих разбросанных книг, шляпы и бутылки масла. Мы с прадедом быстро всё собрали и засунули в сумки.

– Молодец, Мурзик, – сказал прадед. Кот гордо выпрямился, замурлыкал, подошел к нему и потерся об его сапоги. Деда потрепал его по спине широкой ладонью и строго сказал:

– Оксана, иди домой, ничего не бойся, Мурзик тебя проводит.

– А ты, деда?

– Здесь постою, посмотрю, как ты дойдешь.

Я привыкла слушаться старших.

– Ладно, деда, я пошла.

Взяв сумки, я двинулась к дому. Кот шел за мной так близко, что я чувствовала прикосновение его усов и влажного носа к моим голым ногам. Один раз я обернулась. Прадед стоял, перегораживая тропинку, опираясь на клюку.

– Спокойной ночи, – крикнула ему я.

– Спокойной ночи, – отозвался он и добавил: – Бабушке скажи, что упала, и все.

Я вернулась домой спокойно, без приключений, а бабушка еще отругала меня за неуклюжесть. Хорошо, бутылка масла уцелела.

Вот уже третью ночь мне снится один и тот же сон: ночь,

моя комната в деревенском доме, я вижу себя спящей на кровати. Прекрасная бледная девушка с распущенными волосами в белой полупрозрачной одежде стоит рядом с моей кроватью и жалобно говорит:

– Верни, что взяла.

В первую ночь она стояла в изножье кровати, во вторую – у средины, в третью – у самого изголовья. А я вижу эту сцену как бы сверху, почти из-под потолка. Я не понимаю, о чем она просит, и каждое утро просыпаюсь задыхающаяся, мокрая от пота. Сердце бешено стучит, горло пересохло. Наверное, я кричу во сне, потому что утром горло болит, но проходит после горячего чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.